

Андре Азулай — самый влиятельный еврей мусульманского мира

Андре Азулай

В 1845 году, после смерти раввина Хаима Пинто, его бывшая служанка, мусульманка по имени Малика, увидела рава во сне. Он попросил ее ухаживать за его могилой, затерянной среди разъединенных ветром скал в нескольких сотнях метров от стен города Эс-Сувеира на юге Марокко. Я бедна, ответила Малика. А кто позаботится обо мне? Не волнуйся, ответил ей Пинто: мои ученики и паломники, которые будут приходить на мою могилу, позаботятся и о тебе, и о твоих потомках.

Сегодня над могилой рава Пинто среди еврейского кладбища Эс-Сувеиры возвышается дорогая усыпальница с полами из полированного мрамора.

В Марокко сейчас проживает две — три тысячи евреев — все, что осталось от

общины численностью более четверти миллиона человек. Поскольку марокканские евреи почти не сталкивались с гонениями, сердца марокканцев-мусульман наполняются гордостью. Духи евреев навещают мусульман во сне, а мальчишки в бывшем еврейском квартале Марракеша на иврите объясняют, как пройти к синагоге «Слат аль-Азама».

У стен Старого города в большом шатре проходят субботние богослужения; несколькими днями ранее раввин Давид Пинто читал здесь молитву «Биркат а-мелех» в присутствии короля Мухаммеда VI. Такие публичные иудейские мероприятия нежелательны или даже опасны в любой другой арабской стране, да и во многих государствах Европы. Представление о благожелательно относящемся к евреям и либеральном королевстве — полезный миф, и мало кто больше сделал для его укрепления, чем Андре Азулай — правая рука Мухаммеда VI. Официально он занимает пост экономического советника монарха, однако, на самом деле, Азулай теневой министр иностранных дел, вездесущая «правая рука короля» и человек, усилиями которого в стране сохраняется еврейская жизнь и еврейская память.

Могила раввина Хаима Пинто, Эс-Сувейра

Этот 77-летний человек с седыми волосами и тонкими усиками родился в Эс-Сувейре, где в XIX веке евреи составляли большинство населения. Обращаясь к участникам первой в мире конференции Мусульманско-еврейской межконфессиональной коалиции, он с гордостью рассказывает о музыкальных фестивалях с участием еврейских исполнителей: возрождение Эс-Сувейры как культурного центра — многолетний проект Азулая. Наша группа посетила три синагоги, и табличка с его именем присутствует в каждой из них.

Советник убежден: его деятельность в городе показала, что евреи и мусульмане могут жить рядом. Охраны не видно даже у открывающегося Еврейского музея и научно-исследовательского центра. Это крупнейшее начинание Азулая, и его портрет висит среди портретов других выдающихся евреев Эс-Сувейры.

Азулай — незаменимый человек в королевстве, который в любой момент может обратиться к самым влиятельным людям, и они не посмеют ему отказать. Он понимает происходящее так, как может понимать только ближайший советник одного из самых успешных автократов на земле. Можно только догадываться, что ему может быть известно, поскольку азулаи всего мира никогда не раскроют своих секретов — хотя иногда могут проронить пару намеков.

Азулай начал свою карьеру в правительстве в качестве советника короля Хасана II в 1990 году. В то время Андре уже несколько десятков лет жил во Франции и работал исполнительным вице-президентом банка Paribas, отвечая за Ближний Восток и Северную Африку.

Король Хасан II провел 39 лет на троне и пережил целый ряд попыток государственного переворота. «Каким был покойный король?», — спросил я Азулая. «Он умел быстро принимать решения», — ответил советник. На его лице появилось слабое подобие улыбки: «Он трижды арестовывал меня, — продолжил он. — Когда мне было 19 лет, я был марксистом. Вероятно, я во многом заблуждался». Когда, в ходе первой встречи с монархом зашла речь об арестах, Азулай сказал, что стал старше и умнее; Хасан признал, что, возможно, его правительство напрасно несколько раз задерживало молодого

человека.

Вход в синагогу «Слат аль-Азама» Портрет Азулая на улице города

«Я марокканец, я бербер, я еврей — и, наверное, немного еще и мусульманин, — подчеркивает Азулай. — Эту реставрацию провели не евреи, — рассказывает он о восстановлении еврейского квартала Эс-Сувеiry и многомиллионных проектах по реставрации еврейских памятников по всей стране. — Ее провели марокканцы».

Марокко Азулая, как и Марокко Хасана и Марокко Мухаммеда VI, — это государство, где плюрализм, социальная сплоченность и гибкая власть поддерживают марокканскую идентичность в таком состоянии, что она сглаживает политические и социальные противоречия.

Национальные мифы воздействуют, только если удастся игнорировать противоречащие им нарративы. Интересно, почему сотни тысяч евреев уехали из страны, где их якобы так высоко ценят, и что потеряло Марокко, когда евреи решили уехать? Эти вопросы марокканцы сами задают себе. На форуме Мусульманско-еврейской коалиции присутствовал Эль-Мехди Будра, основатель и президент «Мимуны» — организации, занимающейся сохранением памяти о еврейской общине Марокко. Будра — не еврей, но

называет себя «евреем по культуре» — частью марокканской многоликой идентичности. Эту организацию основали не политики из Рабата или Касабланки, а студенты университета в Ифране — небольшом городе в центре страны. Во время одного из первых мероприятий «Мимуна» «на один день сделала кампус еврейским», рассказывает Будра. Они принесли экспонаты из еврейского музея в Касабланке, повесили вывески на иврите и провели концерты марокканской еврейской музыки. Сейчас организация проводит курсы по истории Холокоста на арабском языке, многочисленные конференции и отправляет марокканцев для налаживания связей с выходцами из Марокко в Израиле.

Форум Мусульманско-еврейской межконфессиональной коалиции, Эс-Сувейра

Когда Азулай умрет, еврейская историческая память в Марокко станет делом молодых и мотивированных неевреев, таких как Будра. Он противопоставляет «старое поколение, которое говорило о евреях с ностальгией, и новое поколение, которое ничего не знает о них». Но верит, что арабам интересны евреи, которые покинули свои страны.

При этом большую часть года евреи — это только имена на памятных светильниках в пустых синагогах. Ничто не противостоит полному исчезновению общин...

Армин Розен, Tablet

Публикуется в значительном сокращении